

Цифровое Общественное Место: Социальные Сети В Контексте Административных Правонарушений

Таллибаев Умиджон Шергазиевич

Преподаватель кафедры «Обеспечение общественной безопасности» Университета
общественной Республики Узбекистан

Аннотация: Растущая популярность и широкое использование социальных сетей породили новое цифровое пространство для совершения административных правонарушений. В данной статье исследуется феномен использования социальных сетей в качестве платформы для совершения административных правонарушений. Обсуждается природа социальных сетей как публичного информационного пространства, анализируются различные виды административных правонарушений, которые могут иметь место на этих платформах. Отдельное внимание уделено проблеме квалификации «места совершения» правонарушения при деяниях в интернете. Также рассматриваются сложности регулирования и обеспечения соблюдения административно-правовых норм в контексте социальных сетей, предлагаются возможные решения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для эффективного пресечения правонарушений в цифровой среде.

Ключевые слова: социальные сети, общественное место, цифровое пространство, правонарушение, пользователь, ответственность, Интернет.

Социальные сети стали неотъемлемой частью современной жизни, коренным образом изменив способы общения, обмена информацией и взаимодействия людей. Эти платформы пережили экспоненциальный рост, став доминирующей силой в формировании общественного мнения, влияя на социальный дискурс и объединяя людей по всему миру. По состоянию на середину 2025 года в мире насчитывалось около 5,65 миллиарда пользователей Интернета (примерно 68,7% населения планеты) и 5,41 миллиарда пользователей социальных сетей (65,7% населения)¹. Для сравнения, еще в начале 2023 года число пользователей социальных сетей составляло около 4,76 млрд (чуть менее 60% населения). Таким образом, цифровое пространство охватывает большую часть человечества, что делает его значимой ареной не только для общения или бизнеса, но и для противоправных деяний.

Социальные сети предлагают невиданную ранее возможность мгновенного распространения информации и общения без географических границ. Крупнейшие платформы имеют аудитории, сопоставимые с населением целых континентов. Например, Facebook насчитывает свыше 3 миллиардов активных пользователей в месяц, WhatsApp – около 3 миллиардов, YouTube – порядка 2,5 миллиарда, Instagram – около 2 миллиардов, а WeChat – около 1,4 миллиарда пользователей. По состоянию на 2025 год семь различных социальных платформ преодолели рубеж в один миллиард активных пользователей². Данный масштаб и открытость аудитории превращают социальные сети в условно “публичное” пространство, сходное по охвату с площадями и улицами в офлайне. Соответственно, поведение

¹ Digital Around the World // <https://datareportal.com/global-digital-overview#:~:text=A%20total%20of%205,of%20the%20world's%20total%20population>

² Global social media Statistics // <https://datareportal.com/social-media-users#:~:text=5,see%20more>

пользователей в этой цифровой среде приобретает юридически значимое общественное звучание, в том числе при совершении правонарушений.

Однако стремительное развитие социальных сетей сопровождается и негативными явлениями. Злоупотребления в сети – от распространения дезинформации до оскорблений и иных противоправных действий – становятся все более распространенными. Это ставит перед правоприменителями задачу адаптации административного законодательства к новой реальности, где место совершения правонарушения может быть виртуальным, но последствия реальны. Для эффективной профилактики и пресечения правонарушений в интернете необходимо глубже понимать природу социальных сетей как общественного пространства, виды возможных правонарушений, а также существующие пробелы в регулировании.

Несмотря на отсутствие физической материальности, социальные сети в сегодняшнюю цифровую эпоху выполняют многие функции общественных мест. Они предоставляют пространство, где пользователи взаимодействуют, обмениваются информацией и участвуют в публичных дискуссиях. Ключевыми характеристиками, позволяющими рассматривать социальные сети в качестве публичного (общедоступного) пространства, являются:

- **Глобальная доступность.** Социальные сети открыты для любого человека, имеющего подключение к Интернету, независимо от географии. Миллиарды людей различных возрастов и социальных групп имеют там свои аккаунты. Такая доступность создает среду, в которой фактически неопределенный круг лиц может наблюдать и воспринимать публикуемую информацию. Иными словами, страница в соцсети, не ограниченная приватными настройками, похожа на городскую площадь, куда может прийти каждый.
- **Публичное взаимодействие.** Пользователи социальных сетей могут свободно взаимодействовать друг с другом, выражать мнения, комментировать публикации и вступать в дискуссии перед глазами широкой аудитории. Например, открытый пост или видео может быть сразу виден тысячам подписчиков и далее распространен через репосты. Таким образом, высказывание в соцсети часто имеет общественный резонанс сравнимо с выступлением на публике.
- **Распространение новостей и информации.** Социальные сети стали важнейшими каналами массовой информации. Пользователи ежедневно делятся новостями, статьями, личным опытом. Через механизмы подписок и рекомендаций новости распространяются вирусно, формируя общественное обсуждение вокруг различных событий. В то же время легкость и скорость распространения ведут к тому, что соцсети становятся очагом для дезинформации и слухов, которые могут вводить людей в заблуждение. Тем не менее, по своему влиянию на умы аудитории соцсети сопоставимы со СМИ, а значит, и ответственность за публикуемый контент должна рассматриваться серьезно.
- **Сообщество и самоорганизация.** В соцсетях формируются группы по интересам, онлайн-сообщества, фан-клубы, дискуссионные площадки. Люди объединяются виртуально, испытывая чувство принадлежности к той или иной группе. Это способствует самоорганизации: через социальные сети проще собрать единомышленников, провести акцию или флешмоб, распространить петицию. Известны случаи, когда активисты с помощью соцсетей мобилизовали массовые протесты или кампании солидарности. Публичный характер этих платформ позволяет в короткие сроки охватить большое число граждан, чего сложно достичь офлайн.
- **Влияние на общественное мнение.** Социальные сети активно используются для публичных дискуссий и формирования мнений по широкому кругу вопросов – от политики до культуры. В них происходят дебаты, высказываются позиции лидеров мнений, формируются тренды. Таким образом, социальные сети выполняют роль агоры – пространства общественного дискурса, где складываются настроения масс. Это придает действиям в соцсетях общественную значимость: например, оскорбительное заявление,

сделанное публично онлайн, способно повлиять на отношения в обществе ничуть не меньше, чем если бы оно прозвучало со сцены или на митинге.

Указанные свойства подтверждают, что социальные сети де-факто функционируют как **цифровые общественные места**. Как отмечают исследователи, многие пользователи забывают, что социальная сеть является публичным местом – фактически “главной площадью”, где их слова слышны окружающим. С правовой точки зрения, это означает необходимость учитывать публичный характер деяний, совершаемых в интернете. В частности, при квалификации правонарушений важно установить, было ли действие совершено открыто для неопределенного круга лиц (публично) или в частном порядке. Ведь именно степень публичности часто влияет на состав правонарушения и меру ответственности.

Так, понятие «**общественное место**» традиционно используется в административном и уголовном законодательстве для обозначения локации, свободной для доступа неопределенного круга лиц (улицы, парки, транспорт и т.п.). Соцсети же формально не упоминаются в перечне, но по сути соответствуют критерию доступности для широкого круга людей. В России данный вопрос получил разъяснение в судебной практике: Верховный Суд РФ указал, что размещение оскорблений на страницах социальных сетей, **доступных неопределенному кругу лиц**, следует квалифицировать как публичное оскорбление с повышенной ответственностью (ч.2 ст.5.61 КоАП РФ)³. Иными словами, оскорбление, нанесенное через публичный пост в соцсети, приравнивается к оскорблению в общественном месте. Данное разъяснение опирается на принцип, что интернет-страница, открытая для всех желающих, функционально аналогична нахождению в общественном пространстве.

Таким образом, юридическая наука и практика все более склоняются к признанию того, что цифровое информационное пространство социальных сетей может и должно рассматриваться как общественное место в целях квалификации противоправных деяний. Это особенно актуально для административно наказуемых проступков, где от понятия “общественное место” зависит состав правонарушения (например, мелкое хулиганство, распространение запрещенной информации и т.д.). Рассмотрим подробнее, какие виды административных правонарушений наиболее характерны для социальных сетей и как специфика онлайн-среды влияет на их квалификацию.

Цифровая платформа может использоваться злоумышленниками или недобросовестными гражданами для самых разных противоправных целей. Административные правонарушения, совершаемые в социальных сетях, условно можно разделить на несколько категорий:

1. **Оскорбления и клевета в адрес граждан и должностных лиц.** Распространение унижительных или заведомо ложных сведений о другом лице через соцсети стало, к сожалению, довольно распространенным явлением. Подобные действия могут подпадать под статьи КоАО, предусматривающие ответственность за оскорбление или клевету. Так, Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (КоАО РУз) содержит ст.40 “Клевета” и ст.41 “Оскорбление”, устанавливающие штрафы за умышленное унижение чести и достоинства личности. Если же такие деяния совершаются посредством интернета, законодательством Узбекистана они прямо квалифицируются как более тяжкие – преступления по ст.139 УК (клевета) и ст.140 УК (оскорбление) в их частях, предусматривающих совершение деяния *в сети Интернет*. Это значит, что уже сегодня законодатель придает особое значение публичности онлайн-пространства: одноразовое публичное оскорбление в соцсети может влечь уголовную ответственность без предварительного административного взыскания. В России действует схожий подход: частное оскорбление через личные сообщения квалифицируется по одной части, а оскорбление через публичный пост – по более

³ Административная ответственность за нецензурную лексику в социальных сетях //

<https://обуховское.пф/прокуратура-razyasnyet/administrativnaya-otvetstvennost-za-necenzurnuyu-leksiku-v-so/#:~:text=Оскорбления%2C%20совершенные%20путем%20направления%20СМС,61%20КоАП%20РФ>

строгой части как нанесенное публично. Очевидно, что крупные аудитории подписчиков усиливают вредоносный эффект таких правонарушений. Если у пользователя миллионы читателей, как у популярных блогеров или знаменитостей, то его противоправное высказывание способно достигнуть огромной аудитории. По данным исследований, лишь незначительная доля аккаунтов (менее 1%) имеет сверхбольшую аудиторию свыше миллиона подписчиков, однако в абсолютном выражении число таких влиятельных аккаунтов немало⁴. Негативные действия со стороны “лидера мнений” могут сформировать нежелательные тенденции у тысяч и миллионов людей, поэтому требуют особого внимания правоохранительных органов.

2. **Мелкое хулиганство и непристойное поведение онлайн.** К административным правонарушениям относится мелкое хулиганство – проявление нецензурной брани, оскорбительное приставание к гражданам и другие действия, нарушающие общественный порядок. Традиционно речь идет о физическом публичном пространстве (улице, парке). Но возникают ситуации, когда нецензурные выражения и буйное поведение демонстрируются в прямом эфире социальной сети. Примером может служить случай с народной артисткой Юлдуз Усмановой в Узбекистане. В 2020 году певица во время благотворительной акции в помощи пострадавшим от наводнения обрушилась с нецензурными оскорблениями на сотрудников органов внутренних дел, транслируя свои высказывания через прямой эфир в Instagram⁵. Физически она находилась в личном автомобиле (частном месте), что формально не подпадает под определение “общественное место” в классическом понимании. Однако онлайн-трансляцию в тот момент смотрели более 2,6 тысячи человек, а всего у аккаунта певицы было свыше 1,6 млн подписчиков. Непосредственно после инцидента МВД квалифицировало ее действия как умышленное оскорбление представителей власти и пообещало дать юридическую оценку. Данный случай наглядно иллюстрирует проблему: можно ли считать действия, совершенные в виртуальном публичном пространстве, равносильными совершенным в общественном месте? Если подходить формально, то оскорбления были высказаны “в приватной обстановке” (в машине), но через публичную трансляцию они стали достоянием тысяч людей, вызвали широкий общественный резонанс и потребовали реакции органов правопорядка. Многие специалисты и общественные деятели высказались, что цифровое публичное пространство следует приравнять к общественному месту для целей правовой оценки подобных выходов. Такой подход позволил бы привлекать виновных по статьям о хулиганстве или неповиновении законным требованиям публично, несмотря на “виртуальный” характер площадки.
3. **Распространение запрещенной информации.** Социальные сети нередко используются для распространения контента, запрещенного или ограниченного законом. К административным правонарушениям в этой сфере можно отнести: пропаганду экстремизма, национальной или расовой вражды; призывы к незаконным акциям; демонстрацию нацистской символики; распространение порнографии; пропаганду наркотиков; нарушение законодательства о выборах и референдумах (агитация в “день тишины” через соцсети) и др. В Узбекистане, например, законом об информатизации (с поправками 2014 г.) введено понятие «блогер» и установлены запреты на использование веб-страниц для призывов к насильственному изменению строя, пропаганды терроризма, распространения порочащих сведений и т.п. За нарушение этих требований предусмотрена ответственность – сначала административная, а в случае повторения уголовная. Конкретные составы КоАО РУз включают ст. 202², наказывающую

⁴ Global social media Statistics // <https://datareportal.com/social-media-users#:~:text=1,more%20TikTok%20stats%20%202024>

⁵ Юлдуз Усманова записала на видео свои оскорбления в адрес сотрудников внутренних дел // <https://uzreport.news/society/yulduz-usmanova-zapisala-na-video-svoi-oskorbleniya-v-adres-sotrudnikov-vnutrennih-del#:~:text=Юлдуз%20Усманова%20в%20прямом%20эфире,Сырдарью%2C%20пострадавшим%20от%20наводнения%20узбекистанцам>

распространение ложной информации, унижающей честь и достоинство либо угрожающей общественному порядку, в том числе в Интернете. Также действует административная ответственность за незаконное распространение материалов с призывами к экстремизму и др. Особенность социальных сетей в том, что такой контент может очень быстро охватить широкую аудиторию, включая молодежь, что представляет повышенную общественную опасность. Поэтому государственные органы все активнее мониторят публичные сегменты соцсетей на предмет запрещенной информации.

4. **Нарушение правил рекламы и торговли в сети.** Социальные платформы стали местом активной коммерческой деятельности, рекламы, онлайн-торговли. Административные правонарушения в этой области включают незаконную или ненадлежащую рекламу (например, отсутствие возрастных маркировок, реклама алкоголя/табака в запрещенных местах, навязчивая рассылка спама), торговлю без лицензии или сертификатов через соцсети, нарушение прав потребителей в интернет-торговле. Контролирующие органы могут привлекать к ответственности владельцев аккаунтов-магазинов или рекламодателей за нарушения рекламного законодательства и правил дистанционной торговли. Проблема, однако, в идентификации субъектов – часто интернет-продавцы действуют анонимно или под вымышленными именами, что затрудняет привлечение их к ответственности.
5. **Правонарушения, связанные с конфиденциальностью и персональными данными.** В соцсетях возможно неправомерное распространение персональных данных, вторжение в частную жизнь (например, публикация фотографий или переписки без согласия). За это также предусмотрены административные санкции (например, ст.46 КоАО РУз за разглашение сведений, могущих причинить моральный или материальный ущерб гражданину). Кроме того, социальные сети могут использоваться для кибербуллинга, преследования, что хотя прямо не всегда описано в КоАП, но близко к оскорблениям либо мелкому хулиганству. Вопрос в том, как доказать факт совершения правонарушения конкретным лицом, учитывая возможность подделки аккаунтов.

Таким образом, спектр административных правонарушений в социальных сетях весьма широк – от посягательств на честь и достоинство личности до угроз общественному порядку и нарушения специальных правил (рекламы, тайны, выборов). Отличительной чертой является публичный характер большинства таких деяний: они совершаются открыто, на глазах множества случайных наблюдателей. Это усиливает общественную опасность и требует адекватной правовой реакции. В то же время цифровая среда накладывает и отпечаток на механизм совершения правонарушения (удаленность злоумышленника, техническая анонимность и пр.), что создает новые вызовы для правоохранительных органов. Рассмотрим основные проблемы регулирования и правоприменения в данной области.

Регулирование поведения в социальных сетях сталкивается с комплексом юридических, технических и организационных сложностей. Выделим ключевые проблемные аспекты, сдерживающие эффективное пресечение административных правонарушений в цифровом пространстве:

- **Неопределенность правовых дефиниций.** Как отмечалось, традиционное законодательство оперирует понятиями, рассчитанными на физический мир (общественное место, публичное мероприятие, распространение через СМИ и т.д.). Формально **Интернет не назван “общественным местом”** ни в КоАО, ни в других законах, что порождает споры при квалификации. Пробелы в законодательстве приводят к тому, что одинаковые по сути деяния могут трактоваться по-разному. Например, грубая нецензурная брань на улице однозначно образует состав мелкого хулиганства, а та же брань, выложенная в открытом посте, может оказаться вне сферы действия ст. 183 КоАО, если суд не сочтет Интернет “общественным местом”. Аналогично, призывы в соцсетях к несанкционированной акции могут не подпадать под понятие “распространение призывов публично”, если закон строго привязан к традиционным методам (листовки,

выступления). Эта неопределенность требует устранения путем обновления законодательных дефиниций.

- **Трудности идентификации правонарушителей.** В киберпространстве личность нарушителя нередко скрыта за никнеймом или фальшивым аккаунтом. Пользователь может не указывать своих реальных данных, использовать VPN для сокрытия местоположения. В результате даже при обнаружении противоправного контента непросто установить, кто конкретно его опубликовал. Органы должны проводить расследование, привлекая к сотрудничеству администрацию соцсети (для получения IP-адресов, привязки к телефону и т.д.), что не всегда быстро и возможно – особенно если серверы компании находятся за рубежом. Анонимность порождает чувство безнаказанности у некоторых правонарушителей.
- **Трансграничный характер интернета.** Социальные сети глобальны: пользователь из одной страны может распространять информацию, влияющую на пользователей в другой. В рамках административной юрисдикции государства возникает вопрос: можно ли привлечь иностранного гражданина, совершившего правонарушение онлайн, если его деяние повлияло на общество данной страны? Практические механизмы международного сотрудничества по административным делам развиты слабо. Кроме того, серверы социальных сетей часто находятся за пределами национальной территории, и исполнение требований (например, об удалении незаконного контента) зависит от доброй воли компаний или международных договоров.
- **Массовость и скорость распространения информации.** В социальных сетях контент распространяется с огромной скоростью: вирусные посты за часы охватывают миллионы просмотров. Реакция же властей по пресечению правонарушения (например, блокировке информации или составлению протокола) может занимать дни. За это время ущерб уже нанесен – ложная информация посеяна, оскорбление увидели тысячи людей, порядок нарушен. Таким образом, классические меры реагирования часто запаздывают. Необходимо разрабатывать более оперативные способы мониторинга и вмешательства.
- **Доказывание и сохранность электронных доказательств.** Деяние в сети может быть быстро удалено самим нарушителем или администрацией платформы после жалоб. К моменту расследования контент исчезает. Возникает проблема фиксации доказательств: требуется оперативно собрать скриншоты, логи, свидетельские показания очевидцев из онлайн (например, комментарии тех, кто видел пост до удаления). Судебные органы порой с недоверием относятся к скриншотам, требуя официальной заверки. Отсутствие четких процедур по собиранию цифровых доказательств осложняет привлечение виновных.
- **Баланс с правом на свободу выражения.** Социальные сети – важный канал самовыражения граждан, и чрезмерное ужесточение контроля может ударить по свободе слова. Законодателю и правоприменителю приходится искать баланс: пресекать действительно общественно опасные высказывания (оскорбления, экстремизм, призывы к насилию), но не подавлять конструктивную критику и обмен мнениями. В авторитарных юрисдикциях есть риск, что под предлогом борьбы с правонарушениями будут ограничиваться любые неудобные высказывания в Интернете. Потому важно четко разграничивать: наказуемы лишь деяния, явно выходящие за рамки законного выражения мнения и посягающие на защищаемые законом ценности.
- **Низкая цифровая грамотность и правосознание пользователей.** Многие граждане не осознают, что написанное “в интернете” имеет те же юридические последствия, что и сказанное публично. Существует ложное ощущение приватности или вседозволенности онлайн. Пользователи могут позволять себе грубость, угрозы, считая, что это “просто слова в сети”. Отсюда – большое количество споров, оскорблений, которые перерастают в реальные правонарушения. Для профилактики необходимо повышение правовой культуры поведения в интернете, разъяснение норм и последствий.

- **Нехватка ресурсов и компетенций у правоприменителей.** Расследование цифровых правонарушений требует специальных навыков (киберследствие, анализ цифровых следов) и технической оснащённости. Не все подразделения правоохранительных органов оснащены и обучены для мониторинга соцсетей, взаимодействия с IT-компаниями, сбора электронных доказательств. Кадровое и техническое обеспечение порой отстает от бурного развития цифровой среды, что создает лагуну в неотвратимости наказания. Если правонарушители видят, что многие инциденты остаются без последствий, это подрывает превентивный эффект закона.

Перечисленные проблемы взаимосвязаны и показывают, что традиционные механизмы административной юстиции требуют адаптации к новым условиям. Нужны как изменения в законодательстве, так и развитие практических мер, о чем речь пойдет ниже.

Для эффективного противодействия административным правонарушениям в социальных сетях необходим комплекс мер нормативного и организационного характера. Ниже предложены некоторые решения, направленные на улучшение ситуации, исходя из современного научного подхода и зарубежного опыта:

- **Закрепление статуса социальных сетей как публичного пространства в законодательстве.** Следует внести изменения и уточнения в нормы КоАО и смежные законы, прямо указав, что совершение определенных действий *с использованием интернета, социальных сетей или иных сетей телекоммуникаций* рассматривается как отягчающий фактор или квалифицирующий признак. Например, дополнить понятие “общественное место” указанием на информационно-телекоммуникационные сети общего пользования. Узбекистан уже сделал шаги в этом направлении: в части 2 статей о клевете и оскорблении Уголовного кодекса специально выделяется совершение деяния через Интернет. Аналогично, стоит скорректировать статьи КоАО (например, о мелком хулиганстве, о нарушениях порядка распространения информации), чтобы устранить пробелы. Систематизация специальных составов правонарушений информационной сферы в отдельной главе КоАО также представляется рациональной – такой шаг предложен учеными с целью более четкого регулирования этой области. Выделение общего объекта – информационного порядка – позволит единообразно подойти к ответственности за правонарушения в цифровом обществе.
- **Разработка разъяснений и прецедентов правоприменения.** До внесения изменений в закон целесообразно, чтобы высшие судебные инстанции (Пленум Верховного суда) дали официальные разъяснения по вопросам квалификации действий в интернете. Например, разъяснить, что считать *публичным распространением* в целях разных статей КоАО, как трактовать соцсеть при оскорблении и т.п. Это поможет унифицировать практику. Опыт РФ показывает пользу таких разъяснений – суды получили ориентир, что оскорбление в соцсети = публичное оскорбление. Формирование судебных прецедентов (в рамках, допускаемых правовой системой) тоже важно: несколько показательных дел с привлечением к ответственности известных блогеров за хулиганство или призывы онлайн станут сигналом обществу о неотвратимости наказания.
- **Усиление международного сотрудничества и взаимодействия с платформами.** Государственным органам Узбекистана имеет смысл выстраивать контакты с администрациями крупных соцсетей (Facebook/Meta, Twitter, Telegram и др.) для оперативного обмена информацией. Заключение соглашений о взаимопомощи позволит быстрее получать данные о правонарушителях (IP, привязка аккаунта) и блокировать запрещенный контент по запросу уполномоченных органов. На уровне СНГ и других региональных объединений можно разработать механизмы признания и исполнения постановлений по административным делам, связанным с интернетом, либо проводить совместные кибероперации против правонарушителей, действующих из-за рубежа.
- **Повышение технической оснащённости и компетенций.** Необходимо создание специализированных подразделений (или укрепление существующих) киберполиции,

мониторинговых центров, которые будут отслеживать правонарушения в публичном сегменте интернета. Инструменты мониторинга соцсетей на ключевые слова, анализ тенденций помогут выявлять правонарушения на ранней стадии (например, призывы к несанкционированной акции – до ее проведения). Сотрудников следует обучать методам сбора и сохранения электронных доказательств, основам OSINT (разведка по открытым источникам). Внедрение современных технологий, таких как анализ больших данных и искусственный интеллект, может повысить эффективность выявления противоправного контента среди огромного потока информации.

- **Оперативное реагирование и блокировка.** В случае выявления особо опасного противоправного материала (например, призыва к насилию, сведений, создающих панику) органы должны иметь возможность быстро ограничить к нему доступ. Законодательство может предусмотреть ускоренную процедуру временной блокировки контента в экстренных случаях по решению суда или уполномоченного органа (с последующей судебной проверкой). Такая мера предотвратит распространение вреда, пока идет разбирательство. Разумеется, применять ее нужно взвешенно, чтобы не злоупотреблять цензурой.
- **Общественное просвещение и саморегуляция.** Важным направлением является профилактика правонарушений через просвещение пользователей. Необходимо доводить до аудитории (особенно молодежи) информацию о существующих правилах поведения в сети, об ответственности за оскорбления, клевету, распространение незаконной информации. Это можно делать через социальную рекламу, интегрируя модули медиаграмотности в образовательные программы, сотрудничая с популярными блогерами для продвижения идеи “Интернет – не место для правового нигилизма”. Также стоит поощрять саморегуляцию сообществ: администраторы групп и форумов могут устанавливать свои правила, модерацию, предупреждая конфликты и удаляя незаконный контент до вмешательства государства.
- **Совершенствование механизмов фиксации цифровых доказательств.** Необходимо разработать стандарты для придания скриншотам, записям экрана и другим цифровым материалам статуса доказательств. Например, использовать нотариальное заверение интернет-страниц, специальные сервисы архивирования (типа Web Archive) или ведомственные системы фиксации (когда сотрудник органов протоколирует обнаруженный контент с помощью зарегистрированного программного средства). Упрощение процедуры доказывания облегчит привлечение виновных, даже если пост удален – суд сможет положиться на надлежащим образом заверенную копию. Возможно, стоит дополнить процессуальные кодексы положениями об электронных доказательствах.

Реализация перечисленных мер позволит значительно повысить эффективность борьбы с правонарушениями в социальных сетях. По сути, речь идет об адаптации правопорядка к реалиям информационного общества, где виртуальное пространство стало столь же значимым, как и физическое. В перспективе это приведет к снижению уровня противоправных проявлений в интернете и более безопасной информационной среде для граждан, особенно молодого поколения, активно присутствующего в соцсетях. Кроме того, четкое законодательное определение рамок допустимого поведения онлайн будет способствовать укреплению принципа неотвратимости наказания: зная о неотвратимости ответственности, многие воздержатся от противоправных шагов.

Заключение

Социальные сети в короткий срок превратились в глобальное общественное пространство, влияние которого на социальную жизнь сопоставимо с традиционными институтами. Вместе с позитивными возможностями они принесли и новые способы совершения правонарушений. Анализ показал, что административно-правовая квалификация деяний в соцсетях требует учета их публичного характера. Несмотря на отсутствие физической локации, действия пользователя, видимые тысячам людей онлайн, фактически равносильны

совершенным в общественном месте. Признание этого факта должно найти отражение и в законодательстве, и в правоприменительной практике.

В статье рассмотрены типичные правонарушения, совершаемые в социальных сетях, – от оскорблений и клеветы до распространения запрещенной информации. Особый акцент сделан на проблеме определения *места совершения* правонарушения. Через пример из практики (инцидент с оскорблениями в прямом эфире Instagram) показано, что формальное разграничение частного и публичного пространства размывается в цифровой среде. Это создаёт вызов для правоохранителей, вынужденных трактовать устаревшие нормы применительно к новым обстоятельствам.

Проведенный анализ выявил ряд системных проблем: пробелы в законе, сложности выявления и доказательства, юрисдикционные барьеры, недостаток ресурсов. Для их преодоления предложены конкретные шаги: обновление нормативных дефиниций, разъяснение судами спорных вопросов, укрепление международного сотрудничества, техническое перевооружение органов, просветительская работа с населением. Научный подход требует рассматривать социальные сети как часть единого информационного пространства общества и обеспечивать в нем действие принципа неотвратимости ответственности наравне с офлайн-сферой.

В целом, приравнивание открытого цифрового пространства к общественному месту с точки зрения административного права представляется обоснованным и своевременным шагом. Оно станет правовой основой для привлечения к ответственности лиц, злоупотребляющих свободой самовыражения во вред другим и обществу. Наряду с этим, важны меры по предупреждению правонарушений путем воспитания цифровой культуры и самостоятельной ответственности пользователей. Соединение усилий законодателя, правоприменителя, интернет-платформ и гражданского общества позволит сделать социальные сети более безопасной средой, не теряя при этом их ценности как пространства свободной коммуникации. Таким образом, информационное пространство будет развиваться цивилизованно, подчиняясь требованиям закона и морали, что отвечает интересам всего общества.

Список использованной литературы:

1. Рустамбоев, М., & Анорбоев, А. (2022). Угроза киберпреступности для экономики страны. Актуальные вопросы и перспективы цифровизации судебно-правовой деятельности, 1(01), 36–47. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/combating-offenses/article/view/14393>
2. Светлана Селиманова, Умид Таллибаев СИСТЕМАТИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ // Academic research in educational sciences. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemizatsiya-administrativnyh-pravonarusheniy-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения: 08.07.2023).
3. Селиманова С. М. Информатизация рассмотрения административных правонарушений. – 2022.
4. Турсунова С. Р. ФАКТОРЫ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ТУРИСТОВ //ЎТМОИҲ ФАНЛАРДА ИННОВАСИЯ ОНЛАЙН ИЛМИЙ ЖУРНАЛИ. – 2023. – Т. 3. – №. 4. – С. 131-136.
5. Турсунова С. Р. НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН //SIYOSATSHUNOSLIK, HUQUQ VA XALQARO MUNOSABATLAR JURNALI. – 2023. – Т. 2. – №. 2. – С. 96-99.
6. DIGITAL 2023: GLOBAL OVERVIEW REPORT // <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата ссылки: 08.07.2023 г.)

7. Hydropower capacity in selected African countries in 2022 // <https://www.statista.com/statistics/1278106/leading-countries-in-hydropower-capacity-in-africa/>
8. Distribution of Instagram influencers worldwide in 2022, by number of followers // <https://www.statista.com/statistics/1250578/distribution-instagram-influencers-by-number-of-followers-worldwide/>
9. Видео: Юлдуз Усманова раскритиковала сотрудников «милиции» // <https://upl.uz/culture/15715-news.html>